

О СЕМАНТИКЕ СЛОЖНЫХ НАРЕЧИЙ
С ДЕЙКТИЧЕСКИМ ФОРМАНТОМ *HIN*

Локальный дейктик *hin* 'туда' вступает в словообразовательные отношения как со знаменательными частями речи, так и со служебными (предлогами). В результате деривации возникают сложные дейктические наречия, образованные по схеме *hin* + предлог/наречие. В толковом словаре немецкого языка «Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» зафиксированы 9 сложных наречий, образованных по такой схеме с помощью предлогов *ab* 'от, из, с', *an* 'у, при', *auf* 'на', *aus* 'из', *durch* 'через', *in*¹ 'в', *unter* 'под', *über* 'над', *zu* 'к', например, *hinauf* 'вверх', *hinzu* 'к' и т. д., и 1 сложное наречие, образованное с помощью наречия *weg* 'прочь' – *hinweg* 'прочь'.

Дословно на русский язык наречия, образованные от *hin*, можно перевести как *hinaus* 'туда из', *hinunter* 'туда под' и т.д. Однако анализ переводов сложных наречий на русский язык в переводных словарях показал, что при их переводе значение дейктика *hin* – по направлению от говорящего, не сохраняется, например, *hinaus* 'наружу, из, за', *hinauf* 'вверх' и т.д. Анализ высказываний из параллельного немецко-русского подкорпуса также показывает, что при переводе значение дейктического форманта *hin* не сохраняется: *Während Druot auf einen Sprung in die, Quatre Dauphins' verschwand, für ein Glas Wein, oder hinauf zu Madame, um dort nach dem Rechten zu sehn.* [P. Süskind. *Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders* (1985)]. – *А Дрюо тем временем отправлялся пропустить стакан вина в «Четыре Дожина» или поднимался **наверх к мадам*** (дословно: *туда наверх к мадам*) *поглядеть, что и как.* [П. Зюскинд. *Парфюмер: История одного убийцы* (Э. Венгерова, 1992)]

Однако из дефиниций в толковых словарях следует, что данные наречия служат не только для ориентации в пространстве по отношению к объектам, именуемым в коммуникации, но и по отношению к говорящему, т.е. производное наречие наследует семантику форманта *hin-*. Так, в толкованиях сложных наречий присутствуют элементы, передающие информацию о направленности движения относительно говорящего, например, *hinauf* 'вверх' – «von hier unten nach [dort] oben» 'отсюда снизу туда наверх', *hinaus* 'наружу, из, за' – «aus diesem [engeren] Bereich in einen anderen [weiteren] Bereich [hinein], bes. [von drinnen] nach draußen» 'из этой [узкой] области в другую [более далекую] область [вовнутрь], [изнутри] наружу'. Т.е. данные наречия описывают перемещение из ближней области по отношению к говорящему (*hier* 'здесь', *dieser* 'этот') в дальнюю область (*dort* 'там', *anderer* 'другой').

Исследование показывает, что в немецком языке при помощи рассматриваемых наречий обозначается не только направление перемещения в какую-либо область пространства, но и ориентацию перемещения относительно

---

¹ *hinein* – die form. mhd. *hin in* [Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm].

говорящего. Корпусное исследование показывает, что дейктические наречия функционирует параллельно с предложными конструкциями, обозначающими перемещение в ту же область, например, *hinaus auf die Straße* ‘наружу на улицу’ – *auf die Straße* ‘на улицу’. Установление того, какие факторы влияют на употребление предложной конструкции и предложно-наречной конструкции, станет предметом наших дальнейших исследований.

Т. К. Кохнович

МОЛЧАНИЕ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗАМЕНА ВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. КЕСТНЕРА

Несмотря на значительное число работ, посвященных проблеме молчания, интерес к данному явлению не ослабевает до настоящего времени. Молчание рассматривалось преимущественно на материале русского языка, этой проблеме посвятили свои исследования С. В. Крестовский, Г. Г. Почепцов, Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, С. В. Меликян, И. Йоко и др. В работах указанных авторов наиболее подробно рассматривались такие вопросы: место молчания в системе речевых актов, разграничение коммуникативно значимого и коммуникативно незначимого молчания, молчание как компонент вербальной/невербальной коммуникации, функции молчания в речевом общении. Следует отметить, что названные проблемы в настоящее время не имеют однозначного решения и по-прежнему привлекают внимание лингвистов. Кроме того, проблемой дискуссий остается вопрос первичности или вторичности молчания по отношению к речи. Многие исследователи отмечают, что молчание можно рассматривать только лишь на фоне речевой деятельности. А нарушить его можно тогда, когда есть говорение: то есть прагматика, свойственная говорению, переносится на его отсутствие. Поскольку значения молчания не содержатся в языковой форме, есть необходимость введения в структуру акта молчания имплицативного содержания, что означает понимание значения молчания. В процессе декодирования информации, полученной от молчания, адресат опирается в большей степени на контекст и фоновые знания. Отвечая на вопрос, что более важно, речь или молчание, обычно выделяют три группы мнений: а) мнение тех, кто предпочитает речь; б) кто считает молчание первичным; в) кто считает молчание таким же важным, как и речь. В данной связи можно говорить о вокализованной и невокализованной коммуникации. Это показывает, что речь и молчание находятся в оппозиции друг к другу, но только с точки зрения использования речевого аппарата. Молчание и слово являются, на наш взгляд, следствием друг друга, слово используется для описания молчания. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что несмотря на признаки взаимосвязанности молчания и речи, проблема связи этих двух явлений между собой остается до конца не решенной.

Е. М. Мартынова поднимает вопрос, касающийся природы молчания, то есть отнесения его к позитивным или негативным явлениям. В исследованиях западных лингвистов молчание рассматривается как отрицательное